

ОККАЗИОНАЛЬНА ЛИ МЕТАСУБСТАНТИВАЦИЯ?

Разграничение узуальной и окказиональной (полной и неполной, устойчивой и неустойчивой, языковой и функциональной) субстантивации в лингвистике традиционно. Однако определение области «окказионального» применительно к субстантивации вызывает затруднения, что демонстрируют и специальные исследования последнего времени ([Кирсанова 2006; Смирнова 2007; Фысина 2007]), и лексикографическая практика, и обширная история вопроса. И если критерии окказиональности в сфере лексики и словообразования сформулированы, то в изучении транспозиционных процессов необхо-

дим, очевидно, иной подход. Цель данной статьи – рассмотреть контексты, в которых происходит образование «эквивалентов имени существительного», рассматриваемых «как факты речи» [Попов 1977: 33] – метасубстантивов, выделить признаки и соотношения, релевантные для характеристики данных единиц, и определить возможность отнесения их к окказиональным образованиям. «Иногда чрезвычайно важно осветить по-новому какое-нибудь знакомое и, по-видимому, хорошо изученное явление – *обновленной проблематизацией* его, осветить в нем новые стороны с помощью ряда определенно направленных вопросов» [Волошинов 1930: 112].

Попробуем проследить традицию употребления термина «метасубстантивация» в научной литературе на русском языке. И.В. Высоцкая в монографии «Синкретизм в системе частей речи современного русского языка» в рамках окказиональной субстантивации выделяет «случаи метасубстантивации, субстантивации-номинации и индивидуально-авторской субстантивации» [Высоцкая 2006: 254]. О первом из представленных «случаев» сказано: «...в связи с рефлексией по поводу сказанного в разговорной и художественной речи (а также в учебной и научной речи) возможна субстантивация буквально всех фактов языка. Это метасубстантивация» [Там же]. Далее следует ссылка на работу О.М. Ким «Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке». Освещая случаи окказиональной субстантивации, О.М. Ким отмечает: «Все они сводятся в основном к “метасубстантивам”» [Ким 1978: 70]; даются примеры метасубстантивов, генетически восходящих к разным частям речи, и отсылка к «Теоретической грамматике испанского языка» О.К. Васильевой-Шведе и Г.В. Степанова.

В последней излагается концепция испанского лингвиста Х.П. Рона, который различает знаки и метазнаки [Rona 1967: 161]. Следствием рассмотрения парадокса Б. Рассела и структуры знака становится применение принятого в логике разграничения языка-объекта и метаязыка к анализу грамматических явлений: «Каждое слово языка омонимично в том смысле, что, помимо «нормального значения», оно является названием самого себя, то есть иначе говоря, знак может обозначать и другие предметы, и самого себя» [Васильева-Шведе, Степанов 1990: 42]. Данное утверждение распространяется и на более сложные единицы языка – словосочетание и предложение.

Функция «самоназвания», автономное употребление языковых единиц выделялись еще в средневековой логике (*suppositio materialis*): «Материальная суппозиция имеет место, когда термин не суппонирует сигнификативно, но суппонирует высказанное или написанное слово» [Gualterius Burlaeus 1955: 196 – 197]. У. Оккам отмечает также, что «материальная суппозиция бывает не только у высказанных слов, но и написанных, некоторых элементов мысленного языка, независимо от того, являются ли они целыми высказываниями, частями высказываний, простыми или сложными выражениями» [Там же: 205 – 206].

Два уточнения в упомянутых выше работах важны для нашего рассуждения. О.М. Ким упоминает контексты, где «окказиональные субстантиваты несут определенную информацию экстралингвистического характера, выполняя, таким образом, не метаязыковую, референтивную функцию, основанную на различных ассоциативных связях» [Ким 1978: 72]: *Ах, где вы дос-*

тали этот «Ах-ах»? А сколько «ах-ах» этот стоит? (В. Котов). А в «Теоретической грамматике испанского языка» разграничивается явление свершившейся субстантивации¹ и «явление субстантивации, реализующейся в данном акте речи, в данном предложении» [Васильева-Шведе, Степанов 1990: 41]. Таким образом, намечается возможность функционирования метасубстантивов не только в качестве самоназваний, но и разграничение явлений синхронии и диахронии в исследовании метаязыковой субстантивации.

Субстантивация глаголов, неизменяемых частей речи и предикативных конструкций признается исследователями окказиональной [Ким 1978: 71]; «создание подобных субстантиватов носит единичный, разовый характер» [Редькина 2003: 167]. Думается, что основание для сравнения по оси *узусальное – окказиональное* там, где сопоставляются слова адъективного склонения и другие единицы, отсутствует. Или для последних критерий окказиональности иной (если вообще в этом случае можно говорить о фоне канонических, нормативных образований, на основе которого выделяется окказионализм). Каково в данном случае содержание термина «субстантивация»?

В.В. Лопатин в статье «Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке» формулирует ответ на этот вопрос достаточно четко: «Считаем возможным говорить о субстантивации в русском языке как о способе словообразования только применительно к прилагательным и другим частям речи, имеющим прилагательное склонение и грамматические категории, свойственные прилагательному. Субстантивное использование других частей речи (например, наречия, инфинитива, служебных частей речи), а также целых словосочетаний и предложений, иногда называемое также субстантивацией, является только особым синтаксическим употреблением и представляет собой синтаксическую, а не словообразовательную проблему» [Лопатин 1967: 206]. В рецензии на «Граматику русского языка» относительно параграфа «Взаимопереход частей речи» также отмечается, что в таких случаях «смешано понятие о переходе частей речи со случайным употреблением того или иного слова в необычном синтаксическом положении» [Коротяева 1953: 111].

Выделим в продолжение сказанного две группы концепций, так или иначе включающих характеристику метасубстантивов: «морфологическую» и «синтаксическую». Первой соответствует взгляд на метаязыковую субстантивацию, представленный в работах О.М. Ким, И.В. Высоцкой, О.В. Редькиной².

Вторая группа рассматривает метасубстантивы в ряду явлений синтаксиса. С.Г. Верницкая предлагает термин «позиционно субстантивированные единицы» и выделяет два типа: первый составляют «предикативные единицы, которые уже были использованы для построения предложений, функ-

¹ См., например, внутреннюю форму слов *вадемекум*, нем. *das Vergißmeinnicht* «незабудка».

² Ср.: «К окказиональной С.<субстантивации> примыкает функционирование в речи в роли существительных словосочетаний и предложений, напр.: *На всю жизнь запомнил твой «растаться навсегда»*; *Нас не устраивает равнодушное «моя хата с краю»*» [Сазонова 2003: 545].

ционировавших как отдельные самостоятельные фразы», второй – «конструкции коммуникативной предназначенности, построенные не на базе предикативных единиц и не обладающие структурными схемами предложений» [Верницкая 1973: 17 – 21]. Примеры: *Вместо обычного «То есть как же это?» – получается одно только мычание – I тип; И опять отцовское «Нельзя!» – II тип.* В работе отмечается, что позиционная субстантивация коммуникативных единиц «носит нерегулярный (окказиональный) характер по сравнению с относительно регулярной субстантивацией отдельных слов и словоформ» [Там же: 22].

Н.Ю. Шведова рассматривает «употребления в роли компонента словосочетания (то есть в синтаксической позиции отдельной словоформы) целых предложений (устойчивых речений или свободно возникающих) или групп слов, непосредственно отвлеченных от предложения» [Шведова 1966: 123] как явление взаимодействия словосочетания и предложения. Она подчеркивает важное следствие вовлечения предложений и их компонентов в сферу связи слов: «предикативная структура, сохраняя все собственно грамматические признаки предложения, претерпевает существенные изменения интонационного характера» [Там же: 24] – происходит ослабление интонации сообщения. Н.Ю. Шведова отмечает также два способа введения предикативных структур: первые – существительные *формула, принцип, позиция, рассуждение, вопрос, девиз* и в целом существительные, называющие акт речи, говорения: *слово, фраза, ответ, рассказ* и под.; вторые – прилагательные в форме среднего рода или множественного числа.

И.Г. Чердниченко предлагает термин «синтаксическая ассимиляция», понимаемый как «функциональное уподобление единиц, входящих в состав предложения», возникающее «при определенной синтаксической ситуации, когда единицы – отдельные морфологические формы, словосочетания, частные предложения – уподобляются простым членам предложения независимо от собственных грамматических признаков этих единиц» [Чердниченко 1963: 333]. Пять типов синтаксической ассимиляции предложений составляют ассимиляция-стяжение предложений (*Поля послала куда следует рапорт с просьбой о переводе*), ассимиляция фразеологических предложений (*Начала черт знает что выделывать своими полными ногами*), ассимиляция однородности (*Не замечал ни прохожих, ни где именно идет*), ассимиляция предложений, употребляемых в функции субстантивных членов (*Послышался громкий собачий лай, за лаем внушительное «цыц, проклятая!»*), и связанная с ней ассимиляция предложений-названий после управляющих ими глагольных членов предложения (*Кирилла Петрович, оставшись наедине, стал расхаживать взад и вперед, насвистывая: Гром победы раздавайся, что всегда означало в нем необыкновенное волнение мыслей*) [Там же: 336 – 338]. Представляется, что приведенный ряд можно дополнить и другими разновидностями³.

³ Например, А.М. Пешковский выделял предложения с переходными глаголами в качестве сказуемого как одну из разновидностей неполных предложений: *Я хочу, чтоб мне открылись первобытные леса...* (Бальмонт) – «управляемое существительное замешено целым предложением» [Пешковский 1934: 357]. Ср.: выделяе-

И.Н. Егорова сосредоточивает внимание на отношениях функционального тождества слова и предложения, «употребленного с позиции при-словности», и предлагает понятие «позиционного эквивалента слова в составе предложения»; интересно её наблюдение: «... для понятия синтаксического места способ его представления не существен» [Егорова 1967: 78 – 79].

Характер примеров, иллюстрирующих изложенные точки зрения (и «морфологические», и «синтаксические»), свидетельствует не только о возможности различных трактовок явления. В рассмотренных выше концепциях большое внимание уделено составу «метасубстантивов», структуре «позиционных эквивалентов слова». С.Г. Верницкая отмечает, например, «синтаксическую многовариантность состава позиционно субстантивированных единиц», их способность быть «простыми, сложными всех типов...», «как двусоставными так и односоставными» [Верницкая 1973: 18 – 19]. В работах «с морфологическим уклоном» приводятся примеры субстантивации разных частей речи и предикативных единиц в одном ряду. Но продуктивно ли такое описание свойств предмета нашего исследования?

Начнем с того, что часто метасубстантивации в указанном понимании подвергаются и одиночные имена существительные⁴. Например, своеобразные писательские метатексты, трактующие вопросы поэтической техники: *Теперь просто: // верти ручку, // да смотри, чтоб рифмы не сбились в кучку! // (Чтоб «кровь» к «любовь», // «тень» ко «дню», // чтоб шли аккуратненько одна через одну)* (В. Маяковский. О поэтах); *Читатель ждет уж рифмы розы: // На, вот возьми ее скорей!* (А. Пушкин. Евгений Онегин); ср.: *Что мне делать в новогоднем шуме // С этой внутреннею рифмой «Райнер умер»?* (М. Цветаева. Новогоднее).

Существует точка зрения, согласно которой «субстантивироваться может любая единица языка: от фонемы и морфемы – до предложения и даже целого текста» [Цой 1986: 17]. Вряд ли можно с ней согласиться. Каким образом субстантивируется, например, фонема – «**обобщенная** звуковая единица, отвлеченная от всех возможных звуков, выступающих на ее месте в потоке речи» [Краткая русская грамматика 2002: 32]? Л. Теньер, характеризуя «формальную трансляцию», замечает, что «поскольку трансляция применяется к слову произвольного класса и транслируемый элемент берется откуда угодно, то и вопрос о его статусе даже не ставится. Синтаксический статус транслируемому элементу придает сама трансляция» [Теньер 1988: 403].

Теньер, с одной стороны, подчеркивает, что «трансляции подвергается не синтаксическое содержание слова, а лишь его внешняя форма» [Там

мое Ш. Балли явление синтаксического гипостаза: «в предложении *Il se demanda: Entregai-je?* «Он спросил себя: войду ли я?» вопрос стал объектным дополнением глагола; но их транспозиция не повлекла за собой никаких изменений, даже в интонации» [Балли 1955: 183].

⁴ Из публицистики: *А он всё твердил своё «наговор», ср.: Она всё твердила своё «нет».* В статье «Как делать стихи?» В.В. Маяковского: «*Пустота* стоит отдельно, как единственное слово, характеризующее небесный пейзаж. «*Летите*» стоит отдельно, дабы не было повелительного наклонения... (комментарий к строкам «Пустота... // Летите, // В звезды врезываясь»).

дила

же], с другой – указывает на то, что «...с формальной трансляцией мы имеем дело всякий раз, когда цитируем слова, употребленные кем-то другим» [Там же: 404]. Представляется всё же, что явления эти (передача только внешней формы слова и цитирование) различны.

Выделим типичные контексты для языковых выражений, которые включаются в «случаи метасубстантивации». Это передача чужой речи и автономное употребление языковых единиц.

При **передаче чужой речи** (воспроизведении речи одного из участников речевого акта, цитации) метасубстантив ретроспективно привязан к тексту, к ситуации диалога. Часто высказывания уже известны в самостоятельном употреблении:

– *Не могу-с, хоть убейте, не могу!*

Папаша немного помолчал, подумал и опять наступил на г. учителя. Наступление продолжалось еще очень долго. Учителю пришлось раз двадцать повторить свое неизменное «не могу-с» (А. Чехов. Папаша).

В других случаях реплика или часть ее вводится впервые; характер самостоятельного высказывания придает единице контекст, заключение в кавычки или выделение курсивом: *Сегодня, только вошел к вам, // почувствовал – // в доме неладно. // Ты что-то таила в шелковом платье, // и ширился в воздухе запах ладана. // Рада? // Холодное // «очень». // Смятеньем разбита разума ограда.* (В. Маяковский. Флейта-позвоночник). Часто дается описание и способа произнесения: *Он глядел в Лелино лицо, сардонически ухмылялся и осквернял воздух мепистофелевским «ха-ха».* (А. Чехов. Скверная история. Нечто романообразное). Форма среднего рода у согласуемого слова не дублирует морфологических признаков субстантивата, роль его сводится к оформлению синтаксической функции выделяемого языкового выражения; предикативная единица конституируется в член предложения предметного значения.

Соотнесенность с участниками речевого акта подчеркивается тем, что статус метасубстантивов словоформам и предикативным единицам придают притяжательные местоимения или относительные прилагательные, указывающие на субъект речи: *Мы // просто // не ждем фельдфебельского // «вольно!»* (В. Маяковский. Той стороне). В функции «метаоператора» выступает также местоимение «этот» в форме среднего рода или множественного числа: *Он, сам того не замечая, наделал долгов. Кто раньше был богат, а теперь беден, тот поймет это «не замечая»* (А. Чехов. Ненужная победа). «Это» отсылает к ситуации предшествовавшего говорения: «метатекстовая функция анафорических местоимений и артиклей – вещь настолько очевидная, что вряд ли стоит о ней распространяться» [Вежбицка 1978: 413].

Форма множественного числа местоименного определителя или прилагательного указывает на повторяемость/неоднократность речевого события, выраженного метасубстантивом (ср.: *твое «процай»* и *твои «процай»*); *Эти вечные «отстань»* или *«помолчи»* выглядят очень подозрительно; *...а не как из одной // точки попасть туда, где к составу туч // примешиваются наши «спаси», «не мучь», // «прости»...* (И. Бродский. Fin de Siecle)). Заметим, что описанный способ передачи чужой речи (цитирование) чаще всего возможен в аналитическом контексте, отсюда особая экспрессия данных язы-

ковых выражений⁵ – воспроизводимое высказывание или субъект высказывания подвергаются оценке, метасубстантив участвует в выражении субъективно-модальных значений. В связи с повторением «смысловый вес чужих слов понижается, но зато усиливается их характерологическое значение» [Волошинов 1930: 132].

Л. Теньер упоминает также некоторые разновидности типа формальной трансляции (в целом, близкие данному типу контекстов) – использование «акрофонической номинации» в церковной традиции и «случай, когда литературное произведение называют... по его первым словам» [Теньер 1988: 406]: *А ну-ка ты, красавица... – обратился он к девке, – прочти-ка «Отче наш!»* (А. Чехов. За яблочки); *«Смотрите здесь, смотрите там...»⁶ дало милейшие результаты* (А. Чехов. Осколки московской жизни).

При **автонимном употреблении** языковое выражение имеет своим референтом не ситуацию в мире дискурса, а само это выражение, его устную или письменную форму: *А попробуй // в ямб // пойд и затихни // какое-нибудь слово, // например, «млекопитающее»* (В. Маяковский. О поэтах).

Произвольность синтаксического статуса при самоназвании иллюстрируется примерами типа: *«?» волновал его нынче больше, занимал больше, чем, бывало, занимали «ь», «ъ», «и», «і», «й» вместе взятые* (С. Залыгин. Однoфамильцы).

Близостью к автонимному употреблению характеризуются языковые выражения, сопоставимые с приложениями⁷: *Мой зять, акцизный, помешан на идее: «Гласность – фря!»* (А. Чехов. Случай *mania grandiosa* (внимание газеты «Врач»)); *Фраза «Vanitas vanitatum et omnia vanitas» (Ченуха ченух и всяческая ченуха) выдумана флегматиком* (А. Чехов. Темпераменты (по последним выводам науки)); *Направо от меня сидит высокая барыня из породы «само собою разумеется»* (А. Чехов. В вагоне).

В отдельную группу можно выделить наречия или языковые выражения, содержащие указания на временную или пространственную локализацию сообщаемого факта, «конденсирующие» характеристики описываемой ситуации: *Дело происходило в одно темное, осеннее «после обеда»⁸ в доме князей Приклонских* (А. Чехов. Цветы запоздалые), нередко связанные с передачей чужой речи: *Безупречно роскошные костюмы, не наш язык, это чисто французское умение бесконечно улыбаться – переносят ваши мысли в «о, Париж, край родной»* (А. Чехов. Опять о Саре Бернар).

⁵ В «Русской грамматике» отмечена способность целого высказывания, вводимого как цитата, замещать позиции подлежащего «в непринужденной, экспрессивной речи, в просторечии»: *Всякие «кути» кончились: денег нет; Даже «эй» предполагает второго, могущего обернуться* [Русская грамматика 1980: 242].

⁶ Строки из оперетты Р. Планкета «Корневильские колокола».

⁷ Среди распространяемых таким образом лексем – слова, легко осложняющиеся элементами модальных значений, а также слова со значением речи, мыслительной деятельности и восприятия – имплицитно пропозитивные делибераты.

⁸ Ср.: *Было тихое, теплое, весеннее «послеобеда»* (А. Чехов. Ненужная победа) и *Назначено было идти после обеда, и в эти послеобеда уже не было работы* (Ф. Достоевский. Записки из мертвого дома).

Формулировки «особое синтаксическое употребление», «употребление словоформ различных частей речи в функции существительного», принятые для характеристики того, что мы называем метасубстантивами, в целом верны, но в них не учтена семантика данных единиц, функционально-смысловые связи их с другими речевыми явлениями и особенности синтагматики. Рефлексия по поводу сказанного, соотнесение с ситуацией речи, способность содержать в потенциальном виде ситуацию предшествующего говорения создают в наших «многokrратно гетерогенных» высказываниях «метатекстовые нити», которые «проясняют “семантический узор” основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют» [Вежбицка 1978: 421]. Перед нами скорее воспроизводимая модель (или, по меньшей мере, две модели), отвлеченная от неограниченного множества конкретных употреблений, не противоречащая законам языка, где «совершенно нормальны ситуации, при которых элементарная семантическая структура открывает свои позиции для неоднoэлементного их заполнения» [Русская грамматика 1980: 135].

Представляется, что выделение двух групп контекстов – передачи чужой речи и автонимного употребления – для характеристики метасубстантивов и отказ от рассмотрения их как окказиональных образований – продуктивный подход к данным единицам, ведь «трактовка сообщений без обращения к предполагаемому контексту еще раз наглядно подтверждает неправомерность превращения простой части в кажущееся самостоятельное целое» [Якобсон 1985: 306].

ЛИТЕРАТУРА

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В. Испанский язык. Теоретическая грамматика. Морфология и синтаксис частей речи. М., 1990.

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402 – 421.

Верницкая С.Г. Характеристика типов позиционно субстантивированных коммуникативных единиц // Научные труды Кубанского гос. ун-та. Вып. 171: Сложное предложение в языке и речи. Краснодар, 1973. С. 16 – 23.

Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Л., 1930.

Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М., 2006.

Егорова И.Н. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов) // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967. С. 78 – 95.

Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент, 1978.

Кирсанова И.П. Категориальное значение субстантивированных прилагательных и причастий (на материале прозаических произведений русских писателей XIX – XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006.

Коротаева Э.И. [Рец.] Грамматика русского языка // Вопр. языкознания. 1953. № 1. С. 109 – 120.

Краткая русская грамматика. М., 2002.

Лопатин В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967. С. 205 – 233.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934.

Попов А.С. Номинация и ее типы // Научные труды Курского гос. пед. ин-та. Т. 175. Проблемы ономазиологии. Курск, 1977. С. 31 – 34.

Редькина О.В. Субстантивация как семантическое явление: Дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2003.

Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1980.

Сазонова И.К. Субстантивация // Русский язык: Энциклопедия. М., 2003. С. 544 – 545.

Смирнова Е.В. Оказиональные субстантиваты: структура, семантика, функционирование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2007.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

Фысина У.Н. Субстантиваты в русском языке (стилистический и семантический аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Цой А.Г. Функционирование языка и явление субстантивации // Структура и функционирование единиц русского языка: сборник научных трудов. Ташкент, 1986. С. 16 – 21.

Чередищенко И.Г. О явлениях синтаксической ассимиляции в современном русском языке // Вопросы теории и истории языка. Л., 1963. С. 333 – 339.

Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М., 1966.

Якобсон Р. Часть и целое в языке // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 301 – 306.

Gualterius Burlaeus. De Puritate Artis Logicae Tractatus Longior with a revision of the Tractatus Brevior. Ed. Ph. Boehner. Louvain-Padeborn, 1955.

Rona J.P. El metalenguaje en el análisis oracional. Río de Janeiro, 1967.

А.А. Трапезникова

«ОНОМАСТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ» И «ОНОМАСТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ»: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНАХ

В последние десятилетия XX в. имена собственные стали рассматриваться лингвистами с позиции отражения этнокультурной информации, личностных смыслов и социокультурных ассоциаций носителей языка, когнитивных моделей восприятия объектов пространства. Подобные исследования ведутся в рамках функциональной ономастики, изучающей реальное существование имени в дискурсе и сознании языковой личности. Интерес к данному разделу науки об именах обусловлен тем, что онимы «несут на себе отпеча-